

К. А. КОРОВИН. ИЗ МОИХ ВСТРЕЧ С А. П. ЧЕХОВЫМ

Публикация И. С. Зильберштейна

Константин Алексеевич *Коровин* (1861—1939) принадлежал к числу выдающихся представителей русского изобразительного искусства. Это был яркий, своеобразный и многогранный художник, «блестящий живописец», по отзыву Левитана. Влияние Коровина испытали многие русские художники, — в том числе его сверстники и близкие друзья — Левитан и Серов. Вот что записал в своем дневнике 7 февраля 1894 г. художник В. В. Переплетчиков: «Я люблю иногда зайти к К. Коровину, посидеть у него в мастерской и поговорить. Очень талантливый, многообещающий человек — он идет впереди многих, но картины его, при несомненном колорите, плохо нарисованы. Он чудесно начинал; пейзажи его, которые он выставлял на ученических выставках, были удивительны по чувству и простоте. И. И. Левитан, надо ему отдать справедливость, порядочно-таки у него заимствовал. Теперь он более самостоятелен» («И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания». М., 1956, стр. 164). Серов до конца своей жизни «очень высоко ценил» талант Коровина (В. С. М а м о н т о в. Воспоминания о русских художниках. 2-е изд. М., 1951, стр. 63). А вот другое авторитетное свидетельство по тому же поводу: «Серов относился к указаниям Коровина с большим вниманием и считал его лучшим другом. Влияние Коровина было несомненно благотворно для Серова. Коровин обладал поразительным вкусом и в этом отношении мог быть незаменимым наставником» (А. Я. Г о л о в и н. Встречи и впечатления. Л., 1940, стр. 21). Весьма значителен вклад Коровина в отечественную пейзажную живопись: с полным основанием тот же мемуарист причисляет Коровина, наравне с Левитаном, Серовым и Неестеровым, к числу «настоящих поэтов русской природы» (там же, стр. 13). А в том расцвете, которого достигла в первые десятилетия нашего века русская декорационная живопись, в том всемирном признании, которое она тогда получила, Коровин безусловно сыграл огромную роль. Вот почему у его близкого друга Ф. И. Шалыпина были все основания считать Коровина «одним из обновителей русской сценической живописи» («Федор Иванович Шалыпин», т. I. М., 1957, стр. 326).

Искусству Коровина были присущи свежесть колорита, поразительная виртуозность, предельная жизнерадостность. Об этом проникновенно писал незадолго до своей смерти К. Ф. Юон: «Живопись Константина Коровина — образное воплощение счастья живописца и радости жизни. Его манили и ему улыбались все краски мира. Его меткий глаз и его темперамент художника больше пленялись первичной свежестью живописи, чем холодом завершающего этапа творчества» (К. Ф. Ю о н. О художниках и искусстве. — «Советская культура», 1958, № 41, от 5 апреля). Но именно в этом была и одна из отрицательных сторон большого таланта Коровина: его часто захлестывала стихия формальной живописности, в жертву которой приносились все остальные элементы подлинно художественного произведения. Поэтому нередко удачное начало им полотно никак не становилось картиной, а оставалось всего лишь этюдом. Отмечая в статье «Мастерство живописца» присутствие Коровину недостатки, Б. В. Иогансон пишет: «Но есть другой Коровин — нужный нам, во многом могущий быть нам полезным. Это Коровин — художник, до самозабвения увлеченный природой, преклоняющийся перед ней, как перед единственной и самой надежной наставницей. У такого Коровина можно и нужно учиться. И мы действительно учились, и, смею

думать, кое-чему научились». Давая в той же статье общую характеристику творческой личности Коровина, Иогансон пишет: «Это был человек исключительной одаренности, настоящий профессионал, крупный мастер живописи, наделенный исключительно чутким живописным видением» («Искусство», 1958, № 10, стр. 10—12).

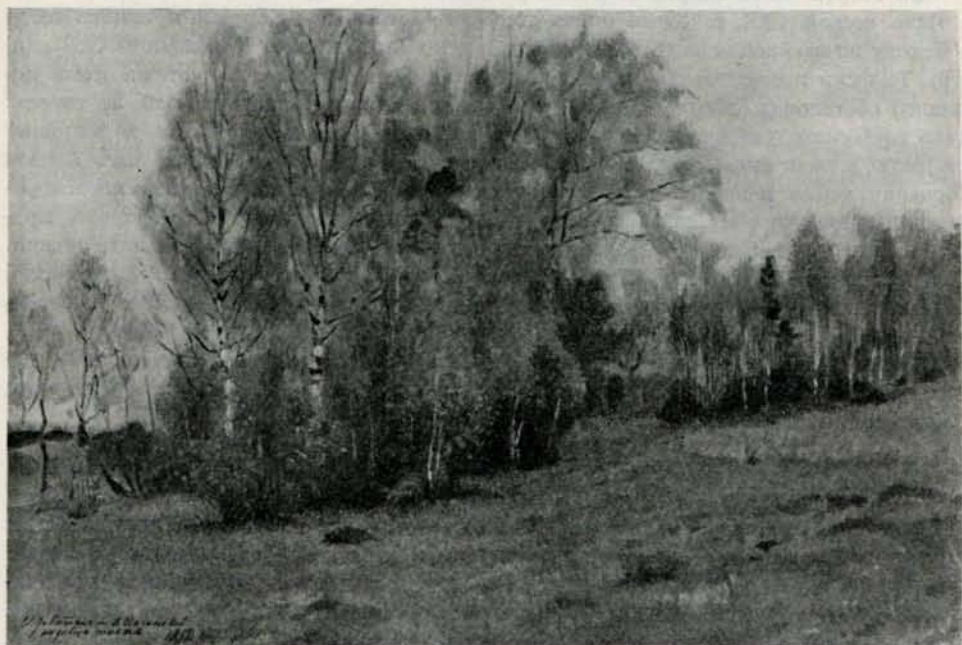
Коровин был щедро наделен от природы и другими талантами. Так, хорошо знавшие художника в один голос вспоминают о нем, как о первоклассном рассказчике, помнят они его также, как превосходного имитатора, как человека редкого остроумия. Вот одно из таких свидетельств: «Коровин был замечательным рассказчиком-импровизатором. Правда и вымысел переплетались в его красочных, блестящих рассказах. Они настолько были увлекательны, художественны и остроумны, что никого не интересовало распознавание истины от игры фантазии» (О. В. Серова. Воспоминания о моем отце Валентине Александровиче Серове. М., 1947, стр. 64). Как рассказчика ценил Коровина и Чехов: «Два дня подряд приходили и сидели подолгу художники Коровин и бар. Клодт; первый говорлив и интересен, второй молчалив, но и в нем чувствуется интересный человек», — писал Чехов 7 апреля 1904 г. О. Л. Книппер (XX, 262).

В 1923 г. Коровин уехал за границу, где, утратив связь с родиной и переживая свои прежние творческие достижения, оказался никому ненужным и в одиночестве бесславно влачил нищеское существование: почти в семидесятилетнем возрасте он взялся за перо, чтобы вспомнить о своих учителях, о спутниках своей блистательной молодости, о своих триумфах на родной земле. И тогда стало ясно, что в этом уже одряхлевшем человеке живет превосходный писатель-мемуарист. С конца двадцатых годов в разных эмигрантских периодических изданиях стали появляться его воспоминания о Саврасове и Поленове, Репине и Серове, Левитане и Врубеле, подробные воспоминания о С. И. Мамонтове; после смерти Ф. И. Шаляпина (в апреле 1938 г.) Коровин создает книгу «Шаляпин. Встречи и совместная жизнь». И лишь отрывки из этой книги, включенные в недавно изданный двухтомник «Федор Иванович Шаляпин», известны широкому читателю, другие же многочисленные мемуарные произведения Коровина остаются неизвестными даже специалистам-искусствоведам (например, составителям вышедшего в 1956 г. сборника «И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания», куда вошли даже краткие и малосодержательные мемуарные отрывки, остались неизвестными интересные воспоминания Коровина о Левитане).

Тридцать лет назад Коровин напечатал (в парижской газете «Россия и славянство», 1929, № 33, от 13 июля) очерк «Из моих встреч с А. П. Чеховым», который также до сих пор оставался вне поля зрения исследователей, — не знал его автор «Описания мемуаров о Чехове», выпущенного в 1930 г., не знали и составители вышедшего в недавние годы тремя изданиями сборника «Чехов в воспоминаниях современников». Между тем из всех обнародованных воспоминаний о Чехове, принадлежащих перу художников, мемуарный очерк Коровина едва ли не наиболее интересен.

Знакомство Коровина с Чеховым восходит к молодым годам их жизни. Уже в середине семидесятых годов в московском Училище живописи, ваяния и зодчества встретились юноши Коровин, Левитан и Николай Павлович Чехов, и с того времени их связала тесная дружба: в картине «Осенний день. Сокольники», исполненной Левитаном в 19-летнем возрасте в 1879 г. и через несколько месяцев приобретенной П. М. Третьяковым на 2-й ученической выставке Училища живописи, женскую фигуру «приписал» — как утверждает М. В. Нестеров — Николай Чехов. В августе того же 1879 г. в Москву для поступления в университет приехал Антон Павлович, вскоре началось его сотрудничество в юмористических журналах. Николай Павлович познакомил брата с Левитаном и Коровиным. Характерно, что когда Николай Павлович в 1883 г. работал над портретом брата, одновременно с ним портрет Антона Павловича писал и Левитан (см. «Двенадцать портретов русских писателей». Вступительная статья И. С. Зильберштейна. М., 1940, стр. 21 и 29). Встречи молодого писателя с молодыми художниками были в те годы весьма частыми. Об этом, как об обычном тогда явлении, вспоминает художник В. А. Симов, который в конце 1884 г. вместе с Коровиным, Левитаном и Николаем Чеховым в декорационной мастерской на 1-й Мещанской писал декорации к открытию «Частной оперы» С. И. Мамонтова.

Рассказ Симова хорошо передает атмосферу живого и дружеского общения Антона Павловича с молодыми художниками, показывает, каким желанным гостем в этой мастерской был молодой писатель («Чехов давно и крепко завоевал наши симпатии»), с каким удовольствием после тяжелой и напряженной работы слушали художники его импровизации, смешные «миниатюры», которых «не пропустила бы тогдашняя цензура»; весьма охотно Антон Павлович принимал участие и в обмене мнениями по поводу исполненных ими декораций («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 89—94).

«ОСЕНЬ»

Картина маслом И. И. Левитана

Слева внизу надпись: «И. Левитан — Л. Мизиновой на добрую память. 1892»
Частное собрание, Москва

Зная все это, легко понять, почему Коровин и Левитан решили провести праздничный для них день окончания Училища именно с Антоном Павловичем. В первой части воспоминаний Коровина и идет речь об этом весеннем дне 1883 года. Хорошему настроению способствовало и то, что на торжественном акте выпускникам выдали по сто рублей (об этом Коровин рассказывает в других своих воспоминаниях, отрывок из которых приведен ниже, в прим. 2); ведь Коровин и Левитан в те годы находились в большой нужде. Воспоминания Коровина были написаны спустя сорок пять лет после описываемых событий, и хотя в них имеются отдельные неточности (мы исправляем их в примечаниях к публикации), в целом же мемуарист дает яркую и, очевидно, верную картину памятного для него дня, проведенного в обществе Чехова и Левитана. В такой же степени, по-видимому, правильно передает Коровин разговор об «убеждениях», который тогда произошел между Чеховым и «большими спорщиками» — студентами. Антону Павловичу, столь враждебному всякому доктринерству и дидактике, был, конечно, чужд узко-утилитарный подход к явлениям искусства и он видел всю незрелость взятых на веру «убеждений» и «программ» этих неоперившихся юнцов, совсем еще не знавших жизни. Из рассказа Коровина совершенно очевидно, что Чехов отвечал на нападки студентов иронически, не желая вступать в спор, хотя, как свидетельствуют его письма начала 1880-х годов (особенно, письма к братьям), он

уже обладал в ту пору сложившимися этическими и эстетическими взглядами. Взгляды эти он настойчиво разъяснял своим корреспондентам. А через несколько лет он скажет: «Осмысленная жизнь без определенного мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас» (XIV, 242). Не удивительно поэтому, что после беседы со студентами Чехов с большой симпатией и вместе с тем не без юмора отзывался об их «приверженности идеям»: «Эти студенты будут отличными докторами... Народ они хороший... И я завидую им, что у них головы полны идей...»

Во второй части очерка Коровин рассказывает об одном посещении им Чехова в Ялте весной 1904 г. Здесь опять-таки есть неточность: Коровин приходил тогда к Чехову по крайней мере дважды (см. цитируемое выше письмо Чехова к О. Л. Книппер). То были последние недели жизни писателя, — и Коровин рисует на фоне домашней обстановки облик Чехова, уже тяжело больного, обреченного на смерть. Дань глубокого уважения, которое замечательный художник питал к великому писателю, можно видеть в следующем факте: хотя театр Чехова не мог быть близок Коровину, тем не менее в следующем году он берет на себя исполнение эскизов декораций для постановки «Вишневого сада» в Александринском театре в Петербурге, проявляя большую заботу об оформлении спектакля (П. П. Г и е д и ч. Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. Л., 1929, стр. 310—311; воспроизведения декораций Коровина к первому, второму и третьему актам «Вишневого сада» — см. в «Ежегоднике императорских театров», сезон 1905/1906, стр. 5, 9 и 12).

Воспоминания Коровина печатаются по имеющейся в нашем распоряжении вырезке газетной публикации с авторскими исправлениями, — все они оговорены нами в примечаниях.

I

Это было, если не ошибаюсь, в 1883 году.

В Москве, на углу Дьяковской и Садовой, была гостиница, называемая «Восточные номера» — почему «восточные», неизвестно... Это были самые захудалые меблированные комнаты. У «парадного» входа, чтобы плотнее закрывалась входная дверь, к ней приспособлены были висевшие на веревке три кирпича...

В нижнем этаже жил Антон Павлович Чехов, а наверху, на втором этаже — И. И. Левитан, бывший в то время еще учеником Училища живописи, ваяния и зодчества.

Была весна. Мы вместе с Левитаном шли из школы, с Мясницкой, — после третнего, последнего, экзамена по живописи, на котором получили серебряные медали: я — за рисунок, Левитан — за живопись...¹

Когда мы вошли в гостиницу, Левитан сказал мне:

— Зайдем к Антоше (т. е. Чехову)...

В номере Антона Павловича было сильно накурено, на столе стоял самовар. Тут же были калачи, колбаса, пиво. Диван был завален листами, тетрадами лекций, — Антон Павлович готовился к выпускным экзаменам в университете, на врача.

Он сидел на краю дивана. На нем была серая куртка, в то время много студентов ходили в таких куртках. Кроме него, в номере были незнакомые нам молодые люди — студенты.

Студенты горячо говорили, спорили, пили чай, пиво и ели колбасу. Антон Павлович сидел и молчал, лишь изредка отвечая на обращаемые к нему вопросы.

Он был красавец. У него было большое открытое лицо с добрыми смеющимися глазами. Беседа с кем-либо, он иногда пристально вглядывался в говорящего, но тотчас же вслед опускал голову и улыбался какой-то особенной, кроткой улыбкой. Вся его фигура, открытое лицо, широкая грудь внушали особенное к нему доверие, — от него как бы исходили флюиды сердечности и защиты... Несмотря на его молодость, даже юность, в нем уже тогда чувствовался какой-то добрый дед, к которому хотелось

прийти и спросить о правде, спросить о горе, и поверить ему что-то самое важное, что есть у каждого глубоко на дне души. Антон Павлович был прост и естественен, он ничего из себя не делал, в нем не было ни тени рисовки или любования самим собою. Прирожденная скромность, особая мера, даже застенчивость — всегда были в Антоне Павловиче.

Был весенний, солнечный день... Левитан и я звали Антона Павловича пойти в Сокольники.

Мы сказали о полученных нами медалях. Один из присутствовавших студентов спросил:

— Что же, на шее будете носить? Как швейцары?

Ему ответил Левитан:

— Нет, их не носят... Это просто так... Дается в знак отличия при окончании школы...

— Как на выставках собаки получают... — прибавил другой студент².

Студенты были другие, чем Антон Павлович. Они были большие спорщики и в какой-то своеобразной оппозиции ко всему.

— Если у вас нет убеждений, — говорил один студент, обращаясь к Чехову, — то вы не можете быть писателем...

— Нельзя же говорить, что у меня нет убеждений, — говорил другой, — я даже не понимаю, как это можно не иметь убеждений.

— У меня нет убеждений, — отвечал Антон Павлович.

— Вы говорите, что вы человек без убеждений... Как же можно написать произведение без идеи? У вас нет идей?..

— Нет ни идей, ни убеждений... — ответил Чехов.

Странно спорили эти студенты. Они были, очевидно, недовольны Антоном Павловичем. Было видно, что он не отвечал какой-то дидактике их направления, их идейному и поучительному толку. Они хотели управлять, поучать, руководить, влиять. Они знали всё — всё понимали. А Антону Павловичу все это, видимо, было очень скучно³.

— Кому нужны ваши рассказы?.. К чему они ведут? В них нет ни оппозиции, ни идеи... Вы не нужны «Русским ведомостям», например. Да, развлечение и только...

— И только, — ответил Антон Павлович.

— А почему вы, позвольте вас спросить, подписываетесь Чехонте?.. К чему такой китайский псевдоним?..

Чехов засмеялся.

— А потому, — продолжал студент, — что когда вы будете доктором медицины, то вам будет совестно за то, что вы писали без идеи и без протеста...

— Вы правы... — отвечал Чехов, продолжая смеяться.

И прибавил:

— Поедемте-ка в Сокольники... Прекрасный день... Там уже цветут фиалки... Воздух, весна.

И мы отправились в Сокольники.

От Красных ворот мы сели на конку и проехали мимо вокзалов, мимо Красного пруда и деревянных домов с зелеными и красными железными крышами. Мы ехали по окраине Москвы...

Дорогой Левитан продолжал прерванный разговор:

— Как вы думаете?.. — говорил он. — Вот у меня тоже так-таки нет никаких идей... Можно мне быть художником или нет?..

— Невозможно, — ответил студент, — человек не может быть без идей...

— Но вы же крокодил!.. — сказал студенту Левитан. — Как же мне теперь быть?.. Бросить?..

— Бросить...

Антон Павлович, смеясь, вмешался в разговор:

— Как же он бросит живопись?.. Нет! Исаак хитрый, не бросит... Он

медаль на шею получил... Ждет теперь Станислава... А Станислав, это не так просто... Так и называется: Станислав, не бей меня в морду...

Мы смеялись, студенты сердились.

— Какая же идея, если я хочу написать сосны на солнце, весну...

— Позвольте... сосна — продукт, понимаете?.. Продукт стройки... Понимаете?.. Дрова — народное достояние... Это природа создает для народа... Понимаете?.. — горячился студент, — для народа...

— А мне противно, когда рубят дерево... Они такие же живые, как и мы, и на них поют птицы... Они — птицы — лучше нас... Я пишу и не думаю, что это дрова. Это я не могу думать... Но вы же крокодил!.. — говорил Левитан.

— А почему это птицы певчие лучше нас?.. Позвольте... — негодовал студент.

— Это и я обижен, — сказал Антон Павлович, — Исаак, ты должен это доказать.

— Потрудитесь доказать... — серьезно настаивал студент, смотря на Левитана своими острыми глазами с выражением чрезвычайной важности.

Антон Павлович смеялся.

— Глупо... — отрезал Левитан.

— Вот скоро Сокольники, мы уже подъезжаем...

Сидевшая рядом с Левитаном какая-то тетка из мешанок протянула ему красное пасхальное яйцо и сказала:

— Съешь, красавчик... (Левитан был очень красив.) Батюшка мой помер... Нынче сороков... Помяни его...

Левитан и Чехов рассмеялись. Левитан взял яйцо и спросил, как звали отца, чтобы знать кого поминать...

— Да ты што, красавчик, нешто поп?

Баба была немножко навеселе.

— Студенты, студенты... А народ — под мышкой книжка, боле ничего... тоже...

Мы приехали к кругу в Сокольники.

Выходя из вагона, баба, ехавшая с нами, обернувшись к Левитану, сказала на прощание:

— Помяни родителя... Звали Никита Никитич... А как семинарию окончишь, волосы у тебя будут хороши... Приходи в Печатники... Анфису Никитишну все знают... Накормлю... Небось голодные, хоша ученые...

Антон Павлович смеялся, студенты были серьезны. У студентов была какая-то придавленность. Казалось, что забота-старуха по пятам преследовала их. Они были полны каких-то навязчивых идей. Что-то тяжелое и выдуманное тяготело над ними, как какая-то служба, сковывающая их молодость. У них не было простоты и умения просто отжаться минуте жизни. А весна была так хороша! Но когда Левитан, указывая на красоту леса, говорил: «Посмотрите, как хорошо», — один из студентов ответил: «Ничего особенного... просто тоска... Лес, и черт с ним!.. Что тут хорошего...»

— Ничего-то вы, цапка, не понимаете! — повторил Левитан.

Мы шли по аллее.

Лес был таинственно прекрасен. В лучах весеннего солнца верхушки сосен красноватыми огнями сверкали на глубоком темно-синем небе. Без умолку свистели дрозды, и кукушки вдали таинственно отсчитывали, сколько кому осталось лет жизни на этой нашей тайной земле⁴.

Студенты, с плечами на плечах, тоже оживились и запели:

Выпьем мы за того,

Кто «Что делать?» писал,

Выпьем мы за него

За его идеал...

Антон Павлович и Левитан шли рядом, а впереди шли студенты... Издали видно было, как большие их волосы лежали на их плечах, что было модно тогда^б.

— Что это там летит?...— крикнул один из них, обращаясь к Левитану.

И. И. ЛЕВИТАН

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Милому А. Чехову И. Левитан. 1887 г.»

Дом-музей Чехова. Ялта

— Это, вероятно, сокол...— пошутил Антон Павлович.
Летела ворона!

— А в Сокольниках, должно быть, и нет больше соколов...— прибавил Чехов.— Я никогда не видал, какой сокол... Сокол ясный... О чем задумались, соколики... Должно быть, сокола и охота с ними были распространены на Руси...

Мы подошли к краю леса. Перед нами была просека, где лежал путь железной дороги. Показались столы, покрытые скатертями. Много

народа пило чай... Самовары дымились... Мы тоже сели за один из столиков, — чаепитие было принято в Сокольниках. Сразу же к нам подошли разносчики...

Булки, сухари, балык, колбаса копченая наполняли их лотки...

— Пожалуйте, господа хорошие...

Около нас за другим столом разместились сильно подвыпившие торговцы типа Охотного ряда и недружелюбно оглядывали нас.

— Вы студенты... — заговорил один, сильно пьяный, обращаясь в нашу сторону, — которые ежели... — и он показал нам кулак.

Другой уговаривал его не приставать к нам.

— Не лезь к им... Чево тебе... Мож, они и не студенты... Чево тебе...

— Слуга служи, шатун шатайся... — говорил в нашу сторону пьяный с осовелыми глазами...

Видно было, что мы не нравились этой компании — трудно понимаемая вражда к нам, «студентам», прорывалась наружу.

Антон Павлович вынул маленькую книжечку и что-то быстро записал в ней.

И помню, он сказал мне, когда мы шли обратно:

— А в весне есть какая-то тоска... Глубокая тоска и беспокойство... Все живет, но, несмотря на жизнь природы, есть непонятная печаль в ней.

А когда мы расстались с нашими студентами, он сказал, улыбаясь мне и Левитану.

— Эти студенты будут отличными докторами... Народ они хороший... И я завидую им, что у них головы полны идей...⁶

II

Много прошло времени после этой прогулки нашей в Сокольниках⁷, и по приезде в Крым, в Ялту — весной 1904 года — я был у Антона Павловича Чехова в доме его в Верхней Аутке. На дворе дачи, когда я вошел в калитку, передо мной, вытянув шею, на одной ноге стоял журавль. Увидев меня, он расправил крылья и начал прыгать и делать движения, танца — как бы показывая мне, какие выкрутасы он умеет разделявать.

Антон Павловича я застал в его комнате. Он сидел у окна и читал газету «Новое время».

— Какой милый журавль у вас, — сказал я Антону Павловичу, — он так забавно танцует...

— Да, это замечательнейшее и добрейшее существо... Он любит всех нас, — сказал Антон Павлович. — Знаете ли, он весной прилетел к нам вторично. Он улетал на зиму в путешествие в другие, там, разные страны, к гишпопотамам, и вот опять к нам пожаловал. Его мы так любим, Маша (сестра) и я... — не правда ли, странно это и таинственно?.. — улететь и прилететь опять... Я не думаю, что это только за лягушками, которых он в саду здесь казнит... Нет, он горд и доволен еще тем, что его просят танцевать. Он — артист, и любит, когда мы смеемся на его забавные танцы. Артисты любят играть в разных местах и улетают. Жена вот улетела в Москву, в Художественный театр...

Антон Павлович взял бумажку со стола, свернутую в короткую трубочку, закашлялся и плюнув в нее, бросил в банку с раствором.

В комнате Антона Павловича все было чисто прибрано, светло и просто — немножко, как у больных. Пахло креозотом. На столе стоял календарь и веером вставленные в особую подставку много фотографий — портреты артистов и знакомых. На стенах были тоже развешаны фотографии — тоже портреты, и среди них — Толстого, Михайловского, Суворина, Потапенки, Левитана и других.

В комнату вошла Марья Павловна и сказала, что прислуга-кухарка заболела, лежит, что у ней сильная головная боль. Антон Павлович сначала не обратил на это внимания, но потом внезапно встал и сказал:

— Ах, я и забыл... Ведь я доктор... Как же, я ведь доктор... Пойду, посмотрю, что с ней...

И он пошел на кухню к больной. Я шел за ним и, помнится, обратил внимание на его подавшауюся под натиском болезни фигуру; он был худ, и его плечи, остро выдаваясь, свидетельствовали об обессиливавшем его злом недуге...

Кухня была в стороне от дома. Я остался на дворе с журавлем, который опять танцевал и так развеселился, подпрыгивая, что расправил крылья, полетел ввысь, сделал круг над садом и опять опустился передо мной.

— Журка, журка!.. — позвал я его, и он близко подошел ко мне и боком смотрел своим острым глазом, вероятно, дожидаясь награды за искусство. Я подал ему пустую руку. Он посмотрел и что-то прокричал... Что? Вероятно — «мошенник!» или еще что-нибудь худшее, так как я ничего ему не заплатил за представление.

После я показал Антону Павловичу бывшие со мной только что написанные в Крыму свои вещи, думая его немножко развлечь... — это были ночью спящие большие корабли... Он попросил меня оставить их у себя.

— Оставьте... Я еще хочу посмотреть их, один... — сказал он...

Антон Павлович собирался ехать в Москву. Я не советовал ему делать этого — он выглядел совсем больным и сипло кашлял. За обедом он говорил мне:

— Отчего вы не пьете вино?.. Если бы я был здоров, я бы пил... Я так люблю вино...

На всем лежала печать болезни и грусти.

Я сказал ему, что хочу купить в Крыму маленький кусочек земли и построить себе здесь мастерскую, но не в Ялте, а где-нибудь около.

— Маша, — сказал он сестре, — знаешь что, отдадим ему свой участок... Хотите, в Гурзуфе, у самых скал... Я там жил два года, у самого моря... Слушай, Маша, я подарю эту землю Константину Алексеичу... Хотите?.. Только там очень море шумит, «вечно»⁸... Хотите?.. — И там есть маленький домик. Я буду рад, что вы возьмете его...

Я поблагодарил Антона Павловича, но и я у самого моря не смог бы жить, — я не могу спать так близко от него, и у меня всегда сердцебиение...

Это была последняя моя встреча с А. П. Чеховым⁹.

После я жил в Гурзуфе и построил себе там мастерскую. И из окна моего был виден домик у скалы, где когда-то жил Антон Павлович. Этот домик я часто воспроизводил в своих картинах. Розы... и на фоне моря интимно выделялся домик Антона Павловича. Он давал настроение далекого края, и море шумело около бедного домика, где жила душа великого писателя, плохо понятого своим временем.

— Меня ведь женщины не любят... Меня все считают насмешником, юмористом, а это не верно... — не раз говорил мне Антон Павлович.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В этом отрывке две неточности. Одна — в гостинице «Восточные номера» жил Николай Чехов, а Антон Павлович часто приходил туда заниматься, так как обстановка дома не давала ему возможности готовиться к экзаменам. Другая неточность — закачивавшая Училище живописи, Левитан представил в Совет преподавателей картину на соискание большой серебряной медали, но одобрения Совета его картина не получила.

² В воспоминаниях, посвященных пребыванию в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, Коровин так рассказывает о встрече с Чеховым после получения медали.

«Вскоре я получил серебряную медаль за живопись. Левитан тоже. В Училище состоялся торжественный годичный акт. <...> Мы тотчас поехали к Антону Павловичу Чехову — звать его в Сокольники. А. П. Чехов посмотрел на наши медали и сказал:

— Ерунда! Ненастоящие.

— Как ненастоящие! — удивился Левитан.

— Конечно. Ушков-то нет. Носить нельзя. Вас обманули — ясно.

— Да их и не носят, — уверяли мы.

— Не носят!.. Ну вот. Я и говорю, что ерунда. Посмотрите у городских, вот это медали. А это что? — обман» (Константин Коровин. Случай с Аполлоном. — «Возрождение», Париж, 1931, № 2252, от 2 августа).

³ Затем в печатном тексте имеются слова: «я он на настойчивые вопросы отвечал отдельными словами, повторяя, что у него нет убеждений, нет идей», отчеркнутые в имеющейся у нас газетной вырезке рукою Коровина, а на полях им поставлен знак вопроса и написано: «Это уже редакция исправила, прибавила, но не так, не в тон».

⁴ В печатном тексте слово «темной» исправлено рукой Коровина на: «тайной».

⁵ В печатном тексте эта фраза заканчивается словами: «своеобразно красиво», которые зачеркнуты Коровиным и исправлены на: «модно тогда».

⁶ В печатных воспоминаниях Коровина рассказано еще об одном эпизоде из его встреч с молодым Чеховым. Этому эпизоду посвящен мемуарный очерк «Апельсины», опубликованный в газете «Возрождение», 1930, № 1916, от 31 августа. В нем идет речь о прогулке Николая и Антона Чеховых, Левитана, Коровина и некоего Новичкова в Петровское-Разумовское, во время которой Антон Павлович из озорства купил за три рубля полный лоток апельсинов, а затем начал продавать их по дешезке. Затем эта кончилась тем, что вся молодая компания угодила в участок. Приводим отрывок из этих воспоминаний, в котором Коровин излагает одно суждение Чехова:

«Слева протянулось большое поле Ходынского. Мы подходили к Петровскому дворцу. Я любовался архитектурой. Такие формы бывают на старых фарфоровых вазах, где пейзажи и все дышит радостью, обещанием чего-то восхитительного, фантастического...

О своем впечатлении я сказал Антону Павловичу.

— Да, — ответил он, — вся жизнь должна быть красивой, но у красоты, пожалуй, больше врагов, чем даже было у Наполеона. Защиты красоты, ведь, нет».

⁷ В дальнейшем (с 1883 г. до весны 1904 г.) Коровин, быть может, встречался с Чеховым, но документальных свидетельств об этом нет. Дружеские же чувства к Чехову он, несомненно, продолжал питать, — это подтверждается следующим эпизодом: 3 декабря 1902 г. в Большом театре состоялся бенефис Шалляпина, после которого Коровин вместе с друзьями отправился ужинать в ресторан Тестова, откуда была послана приветственная телеграмма Чехову; вместе с Шалляпиным, Горьким, Серовым, М. П. Чеховой, Бунинным, Ключевским и др. ее подписал Коровин (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954, стр. 213).

⁸ Скрытая цитата из стихотворения Пушкина «Талисман» («Там, где море вечно плещет...»).

⁹ 17 апреля 1904 г. Чехов писал О. Л. Книппер: «Художник Коровин, страстный рыболлов, преподал мне особый способ рыбной ловли, без насадки» (XX, 273). Без сомнения именно тогда (а не в связи с премьерой «Вишневого сада» в январе 1904 г., как пишет в своих воспоминаниях К. С. Станиславский) Коровин сделал Чехову «чудесный подарок» — удочку («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 389).

Через несколько дней после последней встречи с Чеховым, Коровин и художник Н. А. Клодт, возвращаясь в Москву, оказались в одном вагоне с М. П. Чеховой. Она писала брату 13 апреля 1904 г. по приезде в Москву: «Ехать было чрезвычайно весело, дурили и хохотали всю дорогу. Коровин сидел с орденем Почетного легиона, барон все время острял. Уже в Севастополе у них не оказалось денег, они шарили друг у друга по карманам. У меня были мамашины деньги, и я предложила им займы. Они обрадовались и взяли у меня. Коровин 3 руб. и барон 10 руб. На эти деньги они кормились до Москвы, подолгу сидели в вагоне-буфете. Завтра их жду к себе, обещали приехать — буду рада повидать их еще. Коровин написал еще много мелких этюдов, которые показал мне в вагоне. Есть два очень интересных этюда гузуфских около нашей дачи» (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову, стр. 226).